

Новелла Матвеева

Мой караван

Избранные стихотворения

Новелла Матвеева

**Мой караван. Избранные
стихотворения (сборник)**

«Этерна»

2015

УДК 821.160.1
ББК 84-5

Матвеева Н. Н.

Мой караван. Избранные стихотворения (сборник) /
Н. Н. Матвеева — «Этерна», 2015

Новелла Матвеева – замечательный русский поэт, бард, драматург, литературовед. Ее поэзия органично сочетает в себе лиричность и романтический темперамент, неистощимость фантазии и тягу к экзотике, грусть о несовершенстве и несправедливостях в нашей жизни. Евгений Евтушенко сравнивает поэзию Матвеевой с кораблем Александра Грина под алыми парусами, а саму Новеллу называет Ассолью с волшебным голосом.

УДК 821.160.1
ББК 84-5

© Матвеева Н. Н., 2015
© Этерна, 2015

Содержание

Пожарный	6
Река	7
Вы думали...	8
Ветер	9
Девушка из харчевни	10
«Всё сказано на свете...»	12
Окраина	15
Ах, как долго едем!..	17
Кораблик	18
Мы слышали слух	19
Альпинисты	20
«В тиши весенней...»	22
Фокусник	23
Мой караван	24
Цыганка	26
Старинный бродяга	28
«...Нам хочется чудес...»	29
Иней	30
Лозы в гневе	31
«Кто в романтику жизни не верит...»	32
Если он настоящий...	33
«Когда Вселенная открывает нам добровольно...»	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Новелла Матвеева Мой караван. Избранные стихотворения (сборник)

© Н. Н. Матвеева, 2015

© ООО «Издательство «Этерна», 2015

* * *

Пожарный

Жил-был пожарный в каске ярко-бронзовой,
Носил, чудак, фиалку на груди.
Ему хотелось ночью красно-розовой
Из пламени кого-нибудь спасти.

Мечта глухая жгла его и нежила:
Вот кто-то спичку выронит, и вот...
Но в том краю как раз пожаров не было, —
Там жил предусмотрительный народ.

Из-за ветвей следить любила в детстве я,
Как человек шагал на каланче.
Не то чтобы ему хотелось бедствия,
Но он грустил о чём-то... вообще.

Спала в пыли дороженька широкая,
Набат на башне каменно молчал,
А между тем горело очень многое,
Но этого никто не замечал.

1961

Река

Когда одна я,
 совсем одна,
И нет меня в мире одной;
И так высоко стоит луна,
Что земля темна и при ней;
 И холодный ветер пахнет травой,
 И веки смыкаются в полусне, –
Тогда
 Является мне
 На стене
 Река
 И чёлн теневой.
А в том челне старина Гек Финн
Стоит вполупорот;
И садится он,
 и ложится в челнок,
И плывёт, закулив, плывёт...
 В лучах пароходов и городов,
 На усах световых систем,
 Один – одинёшенек – одинок, –
 Становится точкой его челнок, –
 Но не может исчезнуть – совсем...
И все
На попутных и встречных плотах
Остроты ему слышны,
И Гек прислушивается, привстав
(Они ему тоже смешны)...
Но один, один – до того один!
Да и я – до того одна!
И мысли грустные наши легки...
Ведь нет, Гек Финн, у твоей реки
Ни берегов, ни дна...

1973

Вы думали...

Вы думали, что я не знала,
Как вы мне чужды,
Когда, склоняясь, подбирала
Обломки дружбы.

Когда глядела не с упрёком,
А только с грустью,
Вы думали – я рвусь к истокам,
А я-то – к устью.

Разлукой больше не страдала.
Не обольщалась.
Вы думали, что я прощала,
А я – прощалась.

1962

Ветер

Какой большой ветер
Напал на наш остров!
С домишек сдул крыши,
Как с молока – пену,
 И если гвоздь к дому
 Пригнать концом острым,
 Без молотка, сразу,
 Он сам войдёт в стену.

Сломал ветлу ветер,
В саду сровнял гряды –
Аж корешок редьки
Из почвы сам вылез
 И, подкатясь боком
 К соседнему саду,
 В чужую врос грядку
 И снова там вырос.
А шквал унёс в море
Десятка два шляпок,
А рыбакам – горе, –
Не раскурить трубок,
 А раскурить надо,
 Да вот зажечь спичку –
 Как на лету взглядом
 Остановить птичку!

Какой большой ветер!
Ах! Какой вихорь!
А ты глядишь нежно,
А ты сидишь тихо,
 И никому силой
 Тебя нельзя стронуть:
 Скорей Нептун слезет
 Со своего трона.

Какой большой ветер
Напал на наш остров!
С домов сорвал крыши,
Как с молока – пену...
 И если гвоздь к дому
 Пригнать концом острым,
 Без молотка, сразу,
 Он сам уйдёт в стену.

Девушка из харчевни

Любви моей ты боялся зря, –
Не так я страшно люблю!
Мне было довольно
 видеть тебя,
Встречать улыбку твою.

И если ты уходил к другой
Или просто был неизвестно где,
Мне было довольно того, что твой
Плащ
Висел на гвозде.

Когда же, наш мимолётный гость,
Ты умчался, новой судьбы ища,
Мне было довольно того, что гвоздь
Остался
После плаща.
Течение дней, шелестенье лет, –
Туман,
Ветер и дождь...
А в доме событие – страшнее нет:
Из стенки вырвали гвоздь!

Туман, и ветер, и шум дождя...
Течение дней, шелестенье лет...
Мне было довольно, что от гвоздя
Остался маленький след.

Когда же и след от гвоздя исчез
Под кистью старого маляра, –
Мне было довольно того, что след
Гвоздя
Был виден – вчера.

Любви моей ты боялся зря, –
Не так я страшно люблю!
Мне было довольно
 видеть тебя,
Встречать
Улыбку твою.
И в тёплом ветре ловить опять
То скрипок плач,
То литавров медь...
А что я с этого буду иметь?
Того тебе – не понять.

1964

«Всё сказано на свете...»

Всё сказано на свете.
Не сказанного нет.
Но вечно людям светит
Не сказанного свет.

Торговец чучелами птиц
Сегодня мне приснился:
Трухой, как трубку табаком,
Он дятла набивал.
Желтела иволга в тени,
В углу орёл пылился,
И не дразнился попугай,
И соловей молчал.

Торговец чучелами птиц,
Мне твой товар наскучил:
Едва пером дотронусь я
До трепетных страниц,
Как вниз летят мои мечты
На крыльях птичьих чучел,
Когда хотели бы лететь
В зенит на крыльях птиц!

Слова... Ищу их снова.
А всё не те, не те...
Удар –
И грянет слово,
Как выстрел по мечте.

...Рисует рожицы поэт,
Круги, зигзаги чертит,
Пока покажутся слова,
Которых нет верней,
И возле сомкнутого рта
Перо в досаде вертит,
Как в темноте вертел бы ключ
У запертых дверей.

Порою шум из-за дверей
Доносится неясный,
И по ошибке этот шум
Мы песнею зовём
И утешаемся: «Пусть – шум!»
Бывает шум прекрасный...
Когда деревья в час ночной

Шумят перед окном.

Нам видеть их не надо:
У слуха тот же взгляд,
А шум ночного сада
Пышней, чем самый сад».

Но сделку с музой отогнав
Затрешиной немой,
Со звоном в позвоночнике,
В тяжёлой тишине,
Сажу и чайной ложечкой
Вычерпываю море,
Чтобы достать жемчужину,
Лежащую на дне.

А море?
Что ж! – мелеет...
И вот уже белеет
Сквозь воду тёмным-тёмную
Морского дна песок.
Нет,
Это ночь проходит.
Нет,
Это ночь мелеет,
И в ней белеет, как песок,
Светающий восток.

Но жемчуг мой со мною:
Жемчужницы уста
Концом ножа раскрою –
Жемчужница... пуста!

Ищу её в сновидных днях,
Ищу в ночах бессонных...
В душе космический огонь,
А на устах – зола.
О плиты творческих могил,
Бессмертьем раскалённых,
Я, может быть, не всю ладонь,
Но палец – обожгла.

И с той поры,
И с той поры
Глаза от боли жмурю...
Всего лишь палец обожгла,
А всей рукой трясу...
Я вам несу мою мечту,
Как одуванчик в бурю,

И всё боюсь: не донесу,
Боюсь, не донесу.

Всё сказано на свете:
Не сказанного нет.
Но вечно людям светит
Не сказанного свет.

1959

Окраина

Летняя ночь была
Тёплая, как зола...
Так,
 незаметным шагом
До окраин я дошла.
 Эти окраины
 Были оправлены
 Вышками вырезными,
 Кружевными
 Кранами.

Облики облаков.
Отблески облаков
Плавали сквозь каркасы
Недостроенных домов.
 Эти дома без крыш
В белой ночной дали
 В пустошь меня зазвали,
В грязь и глину завели.

На пустыре ночном
Светлый железный лом,
Медленно остывая,
Обдавал дневным теплом.
 А эти дома без крыш
 В душной ночной дали
 Что-то такое знали,
 Что и молвить не могли.

Из-за угла, как вор,
Вынырнул бледный двор:
Там на ветру волшебном
Танцевал бумажный сор...
 А эти дома без крыш
 Словно куда-то шли,
 Плыли,
 Как будто были
 Не дома, а корабли.
Встретилась мне в пути
Между цементных волн
Кадка с какой-то краской,
Точно в тёплом море – чёлн.
 Палка-мешалка в ней
 Словно в челне весло...
 От кораблей кирпичных

Кадку-лодку отнесло.

Было волшебнo всё:
Даже бумажный сор,
Даже мешалку-палку
Вспоминаю до сих пор.
 А эти дома без крыш,
 Светлые без огня,
 Так и остались в далях,
 Недоступных для меня!

1961

Ах, как долго едем!..

Ах, как долго, долго едем!
Как трудна в горах дорога!
Чуть видны вдали хребты туманной сьерры.
Ах, как тихо, тихо в мире!
Лишь порою из-под мула,
Прошумев, сорвётся в бездну камень серый.

Тишина. Лишь только песню
О любви поёт погонщик,
Только песню о любви поёт погонщик,
Да порой встряхнётся мул,
И колокольчики на нём,
И колокольчики на нём зальются звонче.

Ну скорей, скорей, мой мул!
Я вижу, ты совсем заснул:
Ну поспешим – застанем дома дорогую...
Ты напьёшься из ручья,
А я мешок сорву с плеча
И потреплю тебя и в морду поцелую.

Ах, как долго, долго едем!
Как трудна в горах дорога!
Чуть видны вдали хребты туманной
сьерры...
Ах, как тихо, тихо в мире!
Лишь порою из-под мула,
Прошумев, сорвётся в бездну камень
серый.

1961

Кораблик

Жил кораблик весёлый и стройный:
Над волнами как сокол парил.
Сам себя, говорят, он построил,
Сам себя, говорят, смастерил.

Сам смолою себя пропитал,
Сам оделся и в дуб и в металл,
Сам повёл себя в рейс –
Сам свой лоцман.
Сам свой боцман,
Матрос,
Капитан.

Шёл кораблик, шумел парусами,
Не боялся нигде ничего.
И вулканы седыми бровями
Поводили при виде его.
Шёл кораблик по летним морям,
Корчил рожи последним царям,
Все ли страны в цвету,
Все ль на месте, –
Всё записывал.
Всё проверял.

Раз пятнадцать, раз двадцать за сутки
С ним встречались другие суда:
Постоят, посудачат минутку
И опять побегут кто куда.

Шёл кораблик, о чём-то мечтал,
Всё, что видел, на мачты мотал,
Делал выводы сам –
Сам свой лоцман.
Сам свой боцман.
Матрос,
Капитан.

1961

Мы слышали слух

Мы слышали слух
 о двух музыкантах,
Но слух не о двух
 отдельных талантах,
Поскольку у них –
 талант на двоих.
Один был трубач –
Другой барабанщик.
Один был трепач –
Другой был обманщик.
 Талант на двоих,
 Талант на двоих!
Расстаться они
 мечтали давно,
Но чуть начинали
 делить домино,
Не мог барабан
 покинуть трубу:
Труба с барабаном
 связала судьбу.
Один был трубач –
Другой барабанщик.
Один был трепач –
Другой был обманщик.
 Талант на двоих,
 Талант на двоих!
И тот и другой
 любили одну:
Вдвоём к одному
 приходили окну.
И первый трубил,
 как будто грубил.
Второй барабанил
 сильней, чем любил.
Один был трубач –
Другой барабанщик.
Один был трепач –
Другой был обманщик.
 Талант на двоих,
 Талант на двоих!

≈1960

Альпинисты

Поскорей наполним нашу,
Всё равно какую чашу:
Чашу кратера вулкана
Или чашечку цветка...

Угли звонкие раздуем,
Как-нибудь переночуем...
Нам живётся нелегко, –
Мы уходим далеко,
Мы пришли издалека.

По саваннам необъятным,
По лесам невероятным,
По плато суровых гор,
Где терновник – в сорок свор –
Обдирает нам бока...
А ущелья, – как темно в них!
Но мы сами – как терновник:
Для тернистой для тропы
На ступнях у нас шипы...
Мы пришли издалека.

Нас ошпаривала справа
Вулканическая лава,
Нас окатывало слева
Океана колесо...

Но верёвками друг друга
Мы обкручивали туго
И ползли под облака...
Мы пришли издалека.
Мы уходим далеко.

А в плащах-палатках наших
Мы походим на монахов:
Вдалеке от милых жён
Отрепённый капюшон
Надвигаем на лицо...
А под этим капюшоном,
Синим снегом опушённым,
Как стальная полоса –
Неподкупные глаза.
Мы уходим далеко.

Мы уходим далеко.

Мы уходим далеко.
Мы уходим далеко.

1961

«В тиши весенней...»

В тиши весенней,
В тиши вечерней
Вблизи от прерий,
Вдали от гор
Стояла ферма.
Стояла ферма,
А возле фермы
Пылал костёр.

В котле широком
Кипело что-то,
А рядом
Кто-то
Сидел – мечтал...
Котёл кипящий –
Огонь шумящий
Ему о чём-то
Напоминал.

Вот ночь настала –
Костра не стало;
Последний уголь
Погас,
Погас...
А тот, сидящий,
В огонь смотрящий, –
Он тоже скрылся,
Скрылся
Из глаз...

И мы не знаем,
Ах, мы не знаем:
Был или не был
Он на земле,
Что в тихом сердце его
Творилось
И что варилось
В его котле.

1961

Фокусник

Ах ты, фокусник, фокусник-чудак!
Ты чудесен, но хватит с нас чудес.
Перестань!
Мы поверили и так
В поросёнка, упавшего с небес.

Да и вниз головой на потолке
Не сиди – не расходуй время зря!
Мы ведь верим,
Что у тебя в руке
В трубку свёрнуты страны и моря.

Не играй с носорогом в домино
И не ешь растолчённое стекло,
Но втолкуй нам, что чёрное – черно,
Растолкуй нам, что белое – бело.
А ночь над цирком
Такая, что ни зги;
Точно двести
Взятых вместе
Ночей...
А в глазах от усталости круги
Покрупнее жонглёрских обручей.

Ах ты, фокусник, фокусник-чудак,
Поджигатель бенгальского огня!
Сделай чудное чудо; сделай так,
Сделай так, чтобы поняли меня!

1961 или 1962

Мой караван

Мой караван шагал через пустыню,
Мой караван шагал через пустыню,
Первый верблюд о чём-то с грустью думал,
И остальные вторили ему.

И головами так они качали,
Словно о чём-то знали, но молчали,
Словно о чём-то знали, но не знали:
Как рассказать,
 когда,
 зачем,
 кому...

Змеи шуршали
Среди
Песка и зноя...
Что это там?
Что это там
Такое?
Белый корабль,
Снастей переплетенье,
Яркий флажок, кильватер голубой...

Из-под руки смотрю туда, моргая:
Это она!
Опять –
Фата-моргана!
Это её цветные сновиденья,
Это её театр передвижной!

Путь мой далёк.
На всём лежит истома.
Я загрустил: не шлют письма из дома...
«Плюй ты на всё! Учись, брат, у верблюда!» –
Скажет товарищ, хлопнув по плечу.

Я же в сердцах пошлю его к верблюду,
Я же – в сердцах – пошлю его к верблюду:
И у тебя учиться, мол, не буду,
И у верблюда – тоже не хочу.
Друг отошёл и, чтобы скрыть обиду,
Книгу достал, потрёпанную с виду,
С грязным обрезом, в пёстром переплёте, –
Книгу о том, что горе не беда...

...Право, уйду! Наймусь
К фата-моргане:
Стану шутом в волшебном балагане,
И никогда меня вы не найдёте:
Ведь от колёс волшебных нет следа.

Но караван всё шел через пустыню,
Но караван шагал через пустыню,
Шёл караван и шёл через пустыню,
Шёл потому, что горе – не беда.

1961

Цыганка

Развесёлые цыгане по Молдавии гуляли
И в одном селе богатом ворона коня украли.
А ещё они украли молодую молдаванку:
Посадили на полянку, воспитали как цыганку.

Навсегда она пропала
Под тенью загара!
У неё в руках гитара,
Гитара,
Гитара!

Позабыла всё, что было,
И не видит в том потери.

(Ах, вернись,
Вернись,
Вернись!

Ну, оглянись, по крайней мере!)

Мыла в речке босы ноги, в пыльный бубен
била звонко

И однажды из берлоги утащила медвежонка,
Посадила на поляну, воспитала как цыгана;
Научила бить баклушки, красть игрушки
из кармана.

С той поры про маму, папу
Забыл медвежонок:
Прижимает к сердцу лапу
И просит деньжонок!

Держит шляпу вниз тульёю...

Так живут одной семьёю,
Как хорошие соседи,
Люди, кони и медведи.

По дороге позабыли: кто украл, а кто украден.
И одна попона пыли на коне и конокраде.
Никому из них не страшен никакой недуг,
ни хворость...

По ночам поют и пляшут, на костры бросая
хворост.

А беглянка добрым людям
Проходим
Ворожит:
Всё, что было, всё, что будет,
Расскажет,
Как может...

Что же с ней, беглянкой, было?
Что же с ней, цыганкой, будет?
Всё, что было, – позабыла.
Всё, что будет, – позабудет.

1961

Старинный бродяга

В мороз и зной
 в юдоли земной
Вижу я ночью свет без огня.
Свой дом и очаг
 у каждого есть,
Но нет его у меня.

У птицы есть, у ящериц есть,
Есть у крота, у всех, кто живёт,
И только меня на празднество дня
Никто не ждёт, не зовёт.

Проскачет всадник, следом другой,
Но я ничего у них не прошу,
Я только спою: «Дорога – мой дом», –
И дальше
 в путь
 ухожу...

Люблю я солнца первый восход,
Люблю я погоду, если тиха,
Гнездо жаворонка в жёлтых полях,
Костёр,
 костёр пастуха.

Люблю я даль с гуртами овец
И над очагами тающий дым,
Боярышника
 багряный венец
И месяц ранний над ним.

В мороз и зной
 в юдоли земной
Вижу я ночью свет без огня...
Очаг свой родной
 у каждого есть,
Но нет его у меня.

≈1965

«...Нам хочется чудес...»

...Нам хочется чудес
Великих!
Но откуда
Мы взяли, что не чудо
Хотя бы этот лес?
Хотя бы этот берег
С бегущими тенями?
Хотя бы – человек?
А именно – мы сами.

Колодец наш бездонный
Пополнен – чуть иссяк...
Мечте – и объяснённой –
Остаться в чудесах.
И после пояснений,
Кто и откуда он –
Всё той же тайной
Гений
Пребудет окружён.

1959

Иней

На рассвете, в сумерках ледовых
Хор берёз был выше и туманней.
И стояла роща, – как Людовик, –
В сизых буклях изморози ранней.

Но опять за далями пустыми,
Красное, – как будто после бури, –
Встало солнце с мыслью о пустыне
В раскалённо-грезящем прищуре.

По коре взбирался, укреплялся
На ветвях – огонь его раскосый.
И кудрявый иней выпрямлялся,
Делался водой простоволосой.
Иней таял, даже не стараясь
Удержаться в лёгкой сетке чащи,
Уменьшаясь, точно белый страус,
Отвернувшийся и уходящий.

1970

Лозы в гневе

Стремится в дол закат животворящий.
Но лозы в гневе. Рдея, плеть за плеть, –
Пошли, как трещины в стене горящей,
Как щели ада, лающе алеть.

Мне снится кардинальский, – то напевный,
То ржущий пурпур... Битвы ржавый свет...
До треска красный, пушечно-полдневный,
Владетельный, громово-алый цвет...

Предел бесстыдства на лице безбровом:
Впервые запылавшая щека
Низвергнутого в ад ростовщика.

Вельможный плащ. Клеймо на родниковом
Челе блудницы... Странно жжёт глаза
Мне в тихий вечер тихая лоза!

≈1970

«Кто в романтику жизни не верит...»

Кто в романтику жизни не верит,
Тот не верит (нелепая туша!)
В океан, на земле занимающий
Втрое более места, чем суша!

Но и логику тот ненавидит,
Кто, упёршись копытами в берег,
Смотрит в море, – а моря не видит,
Смотрит в небо, – а в небо не верит.

1990-е гг.

Если он настоящий...

Сатира везде, как дома,
А юмор – повсюду – мимо.
Смешное – планета Мома –
Почти исповедимо.

Вот целая библиотека
Стихов остроумца Джека!
Ан – юмора в ней – не много.

В сатире и гнев и едкость.
А юмор... он просто – редкость.
Сатира от человека,
А юмор – всегда от Бога!

Разные годы (точнее – 1983)

«Когда Вселенная открывает нам добровольно...»

Когда Вселенная открывает нам добровольно
Явления, о которых скептик твердил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.